

Александра Литвина,
Фёдор Успенский

К стратегии именованя у Рюриковичей XII в. (наречение племянника по живому дяде)

Поражающее порой современного человека обилие тезок в разросшемся к XII в. роду Рюриковичей, судя по всему, нисколько не смущало самих князей. Повтор имен умерших предков, варьирование и созвучие имен родичей, наречение в честь старшего покровителя служило прежде всего для обеспечения легитимности власти и ее преемственности. Выбор имени всегда был попыткой определить, задать династическую судьбу ребенка. Имянаречение сына, таким образом, было своеобразной репликой правителя, обращенной в будущее. Каждая подобная реплика строилась в соответствии с законами этого своеобразного языка имен.

В династии, как во всяком роду, концепция выбора имени была связана с концепцией наследственных прав. И в том, и в другом случае речь могла идти как о наследовании прав имущественных, так и о наследовании статуса главы рода, имеющего определенную власть над имуществом и судьбой всех членов большой семьи. Обладание землей, имуществом и наличие властных полномочий неразрывно связаны, неотделимы друг от друга. Власть главы рода основана на родственных отношениях, и при этом все отношения с людьми, принадлежащими к его дому, в определенной степени осмысляются как родственные — служба и кровное родство во многих ситуациях не противопоставлены.

У правителя, старшего князя, круг младших родичей, «людей дома» стремительно расширяется. К ним, безусловно, относится его непосредственное окружение, его семья и домашние. Расширение же этого круга происходит одновременно в двух направлениях. С одной стороны, в него могут включаться его дружина и все те, кого он по обоюдному согласию считает своими подданными. С другой стороны, разумеется, в несколько ином смысле, в этот круг входят все князья-родичи со своими «чадами и домочадцами». Со временем концепция родственных отношений как основа верховной власти становится все более абстрактной, однако семейное покровительство еще долго не утрачивает своей роли. Отношения правителя со своими подданными могут вновь и вновь осмысляться в терминах родства в самые различные эпохи. Разумеется, семантическое наполнение этих терминов и задаваемой ими культурной парадигмы в разные периоды могли быть достаточно разными.

Что же касается русского средневековья, то уже в домонгольскую эпоху отношения кровного родства подкреплялись правовыми, а порой и договорными отношениями. В то же время то обстоятельство, что вся княжеская иерархия продолжала описываться в терминах родства, по-видимому, оказывало немалое влияние на самый характер этой иерархии. Политическая структура разветвленного рода, правящего на огромной территории, конечно же, не могла строиться исключительно на семейных основаниях, однако покуда язык родовой терминологии оставался употребительным, он, несомненно, оказывал влияние на действительные политические отношения. Подобное (не столь уж редкое!) влияние языка на действительность связывало династическую традицию с более архаической родовой. Ценности династии постоянно соотносятся с ценностями рода, хотя, по-видимому, во многом не совпадают с ними.

В собственно родовой традиции выбор имен для детей служит средством сохранения целостности рода и, лишь во вторую очередь, определению порядка старшинства наследников. В династической же стратегии имянаречения главной задачей становится передача власти. При этом архаическая идея права всех отпрысков княжеского рода на управление определенной частью общего наследия вступает в конкуренцию с идеей единства всей наследуемой территории под прямой или опосредованной властью одного правителя. Характер этой конкуренции в той или иной стране, в тот или иной период влияет на стратегию династического имянаречения. При этом существенным оказывается целый ряд факторов, как, например, наличие или отсутствие механизма выборности правителя, обширность и разветвленность правящего дома, частота смены династий и т. д. Все эти условия необходимо учитывать, когда мы стремимся определить, что именно пытались передать новорожденному старшие родители, давая ему имя, какой смысл они вкладывали в акт имянаречения.

Действительно, систему имянаречения у Рюриковичей, чей род разрастался и дробился в каждом следующем поколении, невозможно описать, исходя исключительно из вертикальных связей (т. е. связей от предков к потомкам). Если отец, определяющий династические перспективы ребенка, и располагал к этому моменту максимальной полнотой власти, он в той или иной степени все же вынужден был считаться с существованием властных претензий всех ныне живущих родичей княжеского происхождения. Едва ли не самыми существенными при этом оказывались претензии его братьев — дядьев нарекаемого наследника.

Противостояние между дядьями и племянниками, младшими сыновьями и старшими внуками, вообще составляет львиную долю династических конфликтов европейского средневековья. Разумеется, в подобного рода конфликты нередко бывали вовлечены и более отдаленные родственники. Особенно часто это происходило в обширном роду Рюриковичей, где правнуки и праправнуки одного князя то и дело делят между собой наследство общего предка. Парадоксальным образом, княжеские права одновременно и разобщают род, т. е. служат

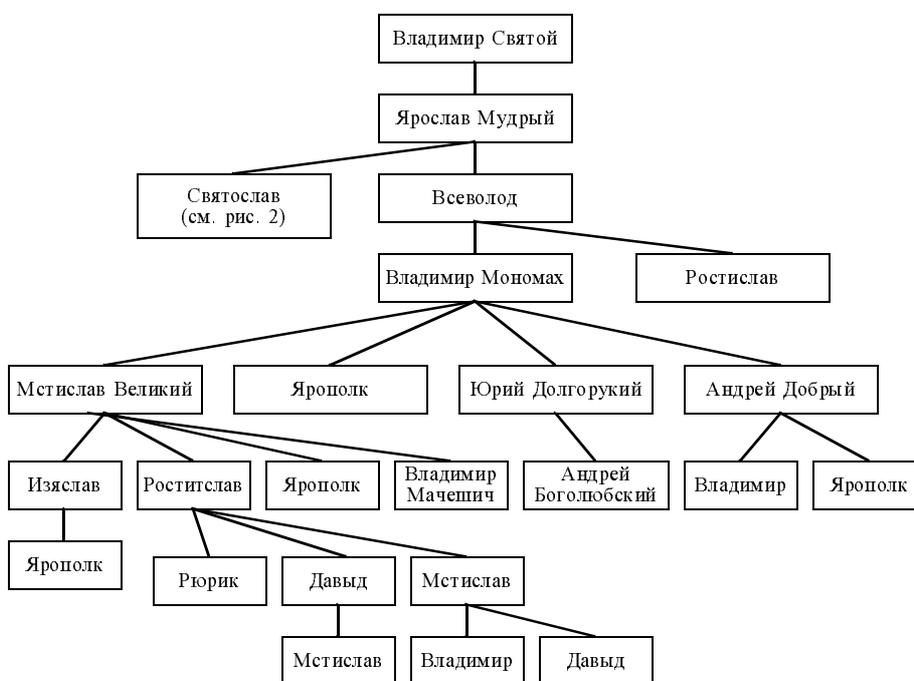

Рис. 1. Из генеалогии Мономашичей

поводом для постоянной внутриродовой борьбы, и объединяют его. Именно притязания на власть формируют длительную генеалогическую память, актуализируют достаточно отдаленное кровное родство и вторичным образом делают «братьями» всех многочисленных Рюриковичей, которые во внединастической родовой практике были бы, по-видимому, куда более изолированы друг от друга.

При этом династическая пара 'дядя — племянник' представляет собой наиболее наглядную модель столкновения различных подходов к проблеме престолонаследия, различных принципов структурирования династии. В самом деле, в ранней истории ряда европейских династий явно прослеживается тенденция к переходу от принципа *corpus fratrum* (равного наследования братьев) к сеньорату, когда один из братьев получал некие выделенные привилегии, которые в случае его смерти наследовались следующим по старшинству братом¹. Лишь постепенно правитель получает возможность по собственной воле назначать единоличного наследника вне соответствия с родовым правом и родовым

1 См.: Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: Наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения). *Из истории русской культуры*. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 500–519.

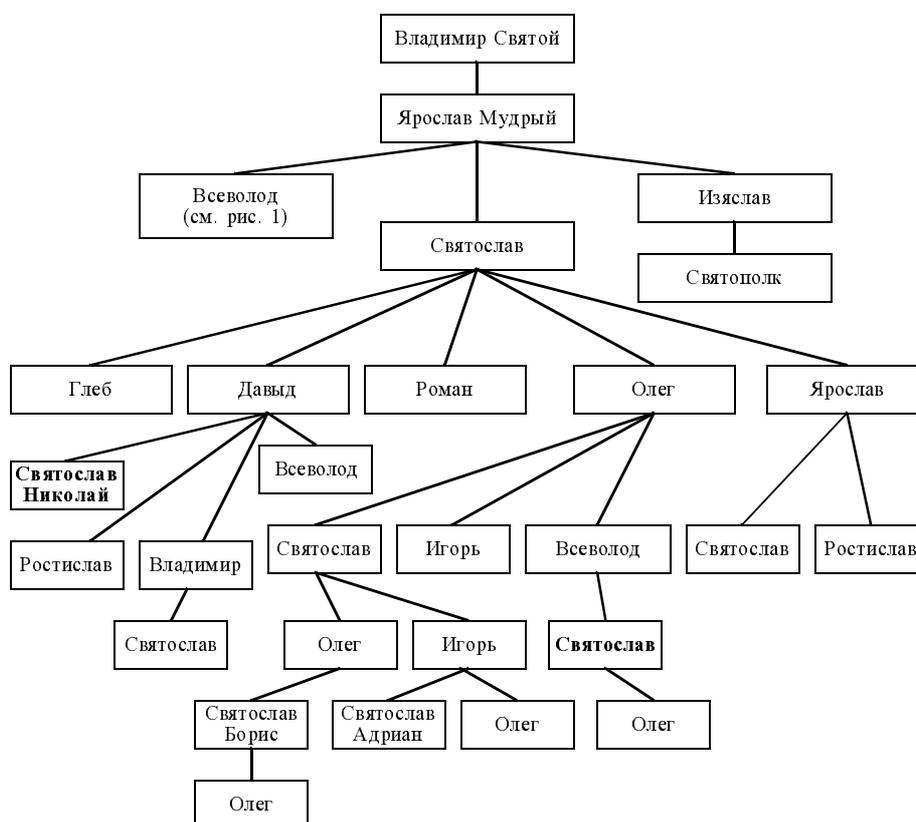

Рис. 2. Из генеалогии Святославичей

старшинством. Еще позднее на Руси утверждается со всей определенностью принцип наследования по вертикали (от отца к сыну). Хронологически этот процесс далеко выходит за рамки истории домонгольской Руси.

Возвращаясь к проблеме выбора имени, необходимо, прежде всего, учитывать следующие обстоятельства. Акт имянаречения сына — это выражение личной воли правителя, своеобразное «высказывание» князя, обращенное к современникам и потомкам. Именно такие «высказывания», наряду с княжескими завещаниями и другими правовыми текстами, и являются тем материалом, на основании которого можно судить о взглядах на преемственность власти. Однако воля отца, запечатленная в выборе имени, может как существенно опережать господствующие тенденции престолонаследия, так и демонстрировать крайний консерватизм, апеллировать к предшествующим обычаям передачи власти.

Анализируя механизмы выбора имени в той или иной династии, мы неизбежно сталкиваемся с соотношением «должного» и «сущего», с тем, как представители

правлящего рода пытаются учитывать и прагматику реальной политической ситуации, и представление об идеальном порядке вещей. При этом, разумеется, представление о «должном» и тем более оценка «сущего» изменяются во времени. Иногда все эти изменения происходят на протяжении жизни одного человека. Рассматривая случаи наречения племянника тем же именем, которое уже носит его родной дядя по отцу, мы зачастую имеем дело с фиксацией именно таких быстро меняющихся ситуаций.

Действительно, имя дается новорожденному задолго до того, как он в реальности займет какое-либо место в иерархии власти. Старшие родичи пытаются воздействовать на его династическую судьбу, на судьбу своей ветви рода. Руководствуясь более или менее отчетливыми знаниями о текущей политической ситуации, они стремятся не только разглядеть смутные очертания будущего, но сформировать его желательным для себя образом. Личные качества ребенка еще не могут быть приняты в расчет, он является лишь точкой приложения различных династических чаяний.

Таким образом, выбор имени в известном смысле не менее важен, чем практика десигнации, т. е. назначение главного наследника при жизни правителя, или, скажем, чем «ряд», который князь дает всем своим сыновьям. При этом имянаречение представляет собой самостоятельный культурный механизм. Оно осуществляется в совершенно особых условиях, тесно связано с общеродовой традицией и призвано определить место *каждого* из наследников в будущей иерархии власти.

* * *

Как уже говорилось, наречение новорожденного именем живого дяди со стороны отца подразумевает наиболее непосредственную реакцию на текущую политическую ситуацию. В родовой традиции, несомненно, существовал достаточно жесткий запрет на именование в честь живого предка по прямой линии, в первую очередь, отца или деда². При этом запрета на совпадение имен у родичей, отдаленных в династии Рюриковичей, не было.

Дядя в этом отношении представлял собой, по-видимому, фигуру двойственную с точки зрения допустимости использования его имени. В самом деле, с одной стороны, он был ближайшим кровным родственником по мужской линии после отца и деда, поэтому, коль скоро он был жив, использование его имени могло быть нежелательным. В то же время строгого запрета на такое исполь-

2 Подчеркнем, что речь идет исключительно о родовых именах князей, поскольку крестильные имена живых родичей как раз вполне могли совпадать. Об этих правилах и запретах см. подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI — начала XIII в. *Религии мира: История и современность*. 2002. М., 2002. С. 62–65.

зование, судя по всему, не было. Двойственное положение по отношению к детям брата дядя занимал и по другой причине. Действительно, именно он — в случае смерти брата — был потенциальным покровителем и защитником осиротевших племянников. При этом на протяжении всей известной нам домонгольской истории Рюриковичей дядья по отцу зачастую оказывались естественными врагами и конкурентами подрастающих сыновей своих братьев³.

Можно было бы предположить, что в именах династической пары 'дядя' и 'племянник' отражается зарождающаяся борьба двух принципов престолонаследия: горизонтального (от брата к брату) и вертикального (от отца к сыну). Действительно, все возможные случаи совпадения имен живого дяди и племянника, по сути дела, сводятся к двум схемам. Племянник получает имя в честь живого дяди, или оба они называются в честь общего умершего предка. Первая схема, как кажется, устанавливает скорее особую связь дружбы и покровительства между старшим и младшим родичами. При реализации же второй схемы речь может идти, скорее, о конкуренции, своего рода вытеснении дяди из цепи преемственности наследников власти. Разделение «на вертикаль и горизонталь», по-видимому, чрезмерно упрощает дело. Специфика выбора имени выявляет существование иных, более сложных, взаимоотношений внутри родовой ветви и всей обширной династии в целом. Эти сложные взаимоотношения, на наш взгляд, и оказывались зачастую более актуальны для княжеского рода в домонгольский период.

Пример закрепления дружеских отношений между родными братьями с помощью имянаречения сына одного из них можно наблюдать в уже неоднократно привлекавшей наше внимание семье Мстислава Великого. Одного из сыновей Мстислава Владимировича, как мы помним, звали Ярополком. Упоминания о нем в летописи весьма немногочисленны⁴. Все они относятся к 1149 г., когда Ярополк Мстиславич помогает своим братьям Изяславу и Ростиславу в их борьбе с дядей Юрием Долгоруким. Если учесть, что этот князь никак не упоминается при описании событий, последовавших за смертью его отца, а в 1149 г. он фигурирует среди младших сподвижников и советчиков Изяслава Мстиславича (рядом с Владимиром Мстиславичем, родившемся незадолго до смерти Мстислава Великого)⁵, естественно предположить, что и сам Ярополк был одним из младших сыновей знаменитого князя. Вероятно, таким образом, из братьев он ближе всех по возрасту был к Владимиру Мстиславичу.

3 Как кажется, ни на одном этапе известной нам истории рода Рюриковичей мы не наблюдаем мирного сосуществования в рамках *corpus fratrum*. Коль скоро речь идет о земельном и властном разделе между князьями-братьями, речь идет и о борьбе между ними. Однако о включении в эту борьбу племянников мы можем по имеющимся у нас данным со всей определенностью говорить лишь с середины XI в., со времен сыновей и внуков Ярослава Мудрого.

4 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 378, 380, 382.

5 «Изяславъ же <...> нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изяславомъ Давыдовичемъ и съ братьями своимъ Володимеромъ и съ Ярополкомъ...» (*ПСРЛ*. Т. 1. С. 382).

Можно допустить даже, что он родился во времена киевского княжения своего отца, т. е. не ранее 1128 г.⁶

Как известно, между Мстиславом Владимировичем и его младшим братом Ярополком Владимировичем существовало определенное соглашение, скрепленное крестным целованием. Очевидно, этот «ряд» был самым непосредственным образом связан с распоряжениями их отца Владимира Мономаха: «...акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславомъ по отню повеленью...»⁷ Деталей этого «ряда» между братьями мы не знаем, однако из летописного текста следует, что Мстислав заранее, договариваясь о передаче киевского стола, обязал Ярополка блюсти интересы его племянников: «...оставивъ княжение брату своему Ярополку ему же и дети свои съ Богомъ на руже предасть»⁸. Из летописи известно, что по смерти брата Ярополк Владимирович стремился соблюсти условия договора, и вынужден был искать компромисс между интересами старших племянников и собственных младших братьев⁹. Возможно, надежность заключенного договора подкреплялась еще и тем, что своих сыновей на тот момент у Ярополка, как кажется, не было, и потому не только племянники нуждались в его покровительстве, но и он был заинтересован в оказании им помощи.

Итак, перед нами случай почти идеального перенесения функций отца на родного дядю, причем это перенесение осуществляется по заранее заключенному договору. Ярополк Мстиславич со всей определенностью получает имя при жизни Ярополка Владимировича. На наш взгляд, трудно подыскать для этого имянаречения какой-либо иной прототип, кроме брата Мстислава Великого. Какого-либо другого недавно умершего Ярополка в ближайшей родовой перспективе не просматривается. Едва ли новорожденного Ярополка Мстиславича могли напрямую сопоставлять, выбирая ему имя, и с умершим в 1086/87 г.

6 Скорее всего, Ярополк Мстиславич умер молодым, так как после 1149 г. он не упоминается в письменных источниках. Возникает вопрос, были ли у него дети. Никаких определенных данных на этот счет, как кажется, не существует. Косвенные же летописные свидетельства, скорее, указывают на то, что сыновей у него не было. Дело в том, что Ярополк Мстиславич был, видимо, князем поросским, во всяком случае, в 1149 г. на помощь братьям, согласно летописи, он приходит «с поршаны» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 378), а в 1155 г. Юрий Долгорукий распоряжается Поросьем как своей волостью: он «тогда же сedy раздая волости детемъ Андрея посади Вышегороде а Бориса Турове Глеба в Переяслави а Василкови да Поросье» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 478–479).

С другой стороны, в летописи несколько раз упоминается некий Василько Ярополчич (о нем см. подробнее ниже). Едва ли именно о нем идет речь в приведенном свидетельстве от 1155 г. — у Юрия был собственный сын по имени Василько. Однако полностью отрицать возможность существования у Ярополка Мстиславича сына Василька мы, как кажется, не можем.

7 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 301 под 1132 г.

8 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 294 под 1133 г.

9 Характерно, что летопись рассказывает о помощи Ярополка Владимировича во времена его киевского княжения Всеволоду и Изяславу, т. е. старшим племянникам. Владимир же, родившийся во времена киевского княжения своего отца, в связи с Ярополком не упоминается по понятным причинам: он был еще слишком мал в тот период, когда его дядя правил в Киеве. Так же, по-видимому, обстояло дело и с Ярополком Мстиславичем.

Ярополком Изяславичем (сыном Изяслава Ярославича)¹⁰, в честь которого когда-то был назван, по-видимому, его дядя Ярополк Владимирович¹¹. Соперничество и союз с этой ветвью рода (Изяславичами) ко времени появления на свет Ярополка Мстиславича, скорее всего, утратили былую важность.

Возможно, Мстислав и Ярополк из всех братьев Мономашичей были наиболее тесным образом связаны друг с другом, и Мстислав всегда видел в Ярополке будущего покровителя своих детей и потому назвал одного из младших сыновей Ярополком. Мы, однако, склонны допустить, что акт наречения напрямую связан с возникновением пресловутого «ряда» между братьями, и, следовательно, княжич, как уже говорилось, появился на свет во времена киевского княжения своего отца, т. е. не ранее 1128 г.

Весьма показательно, что при жизни Ярополка Владимировича еще один родной племянник получает его имя. Речь идет о Ярополке Андреевиче. Его отец Андрей Владимирович Добрый приходился Ярополку Владимировичу младшим единокровным братом. При этом старший сын Андрея был назван Владимиром, несомненно, в честь своего деда по отцовской линии. Мы не знаем точного времени появления на свет его младшего брата, Ярополка Андреевича, однако в летописи он впервые появляется под 1158 г.¹², а следующее упоминание о нем относится к 1160 г, когда он, среди других князей, отправляется под предводительством Мстислава Изяславича в поход на Туров¹³. Можно предположить, что этот младший сын одного из младших сыновей Владимира Мономаха родился в период киевского княжения своего дяди Ярополка Владимировича, или, во всяком случае, незадолго до вокняжения последнего в Киеве, когда Ярополк Владимирович уже воспринимался братьями как естественный преемник Мстислава Великого. Таким образом, два кузена Ярополка (Мстиславич и Андреевич) получают имена по сходным, но не вполне совпадающим причинам.

Подобно тому, как Мстислав Великий при жизни заключил «ряд» со своим братом Ярополком, подразумевающий, прежде всего, охрану интересов племянников, Андрей Владимирович также заключил соответствующий «ряд» с другим братом, Юрием Владимировичем Долгоруким. Ср. слова князя Юрия, обращенные в летописи к Владимиру Андреевичу, старшему сыну Андрея Доброго:

10 В то же время фигура и судьба Ярополка Изяславича, вне всякого сомнения, играла определенную роль при наречении всех последующих князей Ярополков. По-видимому, предательское убийство этого князя произвело на современников и потомков большое впечатление. Летописец, как мы помним, уподобляет этого князя св. Борису и Глебу, и его кончина описывается в рамках того же агиографического канона, с которым так или иначе связаны и описания убийства других князей — Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского.

11 См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен. С. 44.

12 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 491.

13 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 510.

«...язь есмь с твоимъ отцемъ а съ своимъ братомъ Андреемъ хрестъ целоваль на томъ яко кто ся наю останеть то тыи будет обоимъ детемъ отецъ и волость удержати а потомъ к тебе хрестъ целоваль есмь имети ты сыномъ собе и Володимира искати нынъ же сыну аче ти есмь Володимира не добыль а се ти волость и да ему Дорогобужъ и Пересопницу и все Погориньския города»¹⁴.

Судя по летописному свидетельству, речь в этом «ряде» шла о помощи всем детям того из братьев, кто умрет раньше. Сам по себе этот «ряд» весьма любопытен, так как свидетельствует (вместе с рядом Мстислава и Ярополка) о регулярной практике подобного рода договоров и демонстрирует тот сплав семейного и политического договорного начал, на котором строились отношения между князьями — родными братьями, или дядей и племянниками. Для нас существенно, однако, что, заключая такой «ряд», Андрей Добрый не ограничился этой единственной гарантией прав своих детей. Младшего сына он назвал в честь другого своего брата Ярополка.

Как кажется, такая стратегия Андрея Владимировича Доброго оказывается сравнительно эффективной. Его старший сын Владимир пользуется покровительством своего дяди Юрия Долгорукого и действует с ним заодно. Что же касается младшего сына, Ярополка Андреевича, то о его участии в предприятиях Юрия ничего не известно. Предназначение отца, заложенное в его имени, по-видимому, осуществилось на деле: Ярополк действовал заодно с Мстиславичами, впрочем, и для Владимира Андреевича Мстиславичи также остаются потенциальными старшими союзниками¹⁵. Можно предположить, что все это вполне соответствовало замыслу их отца.

Действительно, Ярополк Владимирович умер тремя годами ранее, чем Андрей Владимирович Добрый (в 1139 г.). Речь не могла идти, таким образом, о буквальной передаче племянника Ярополка Андреевича на руки дяде. Скорее всего,

14 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 487–488 под 1158 г. Строго говоря, если племянники были достаточно взрослыми, речь могла идти даже о двух договорах. Первый заключался между братьями при жизни их обоих, тогда как второй имел место между осиротевшими племянниками и дядей. Договор второго типа уже в XII в. мог заключаться и в отсутствии первого. Так, Изяслав и Ростислав Мстиславичи прибегают к подобному соглашению с еще одним своим дядей, Вячеславом Владимировичем: «Изяславъ посла у Вышегородъ къ отцю своему Вячеславу и речъ ему отце кланяю ти ся а чо ми Богъ отца моего Мстислава отъяль а ты ми еси отецъ нынъ кланяю ти ся съгрешилъ есмь и первое а того ся каю а изнова коли ми Богъ даль победити Игоря у Києва а я есмь на тебе чести не положилъ а потомъ коли у Тумаца нынъ же отце того всего каюся пред Богомъ и пред тобою оже ми отче того отдаси ты то и Богъ ми отдасть нынъ же отче осе даю ти Киевъ поеди сяди же на столе деда своего и отца своего. Вячеславъ же речъ сыну Богъ ти помози оже на мене еси честь възложилъ то аче бы ты и давно тако учинить то пи мене еси почестилъ Бога еси почестилъ аже дееши ты мои еси отецъ а ты мои и сынъ у тебе отца нету а у мене сына нетуть а ты же мои сынъ ты же мой братъ и на томъ хрестъ честный целоваста яко не разлучитися има ни въ добре ни въ зле но по одному месту быти» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 417–418 под 1150 г.).

Можно предположить, что подобного типа договоры между старшими и младшими родичами задают образец для последующих договорных оснований княжеской иерархии.

15 Ср.: *ПСРЛ*. Т. 2. С. 510 под 1160 г.

это имя включало его в «дом» Ярополка, членами которого с некоторых пор становились и Мстиславичи. Важного места в княжеской иерархии он, по-видимому, никогда не занимал, на что, впрочем, ему и трудно было бы рассчитывать по рождению — он был младшим сыном, а его отец, Андрей Добрый, умер рано (в 1142 г.), когда Ярополк, по-видимому, был еще достаточно юным.

Итак, и Ярополк Андреевич, и Ярополк Мстиславич отдаются под покровительство могущественного дяди, киевского князя, который в летописи описывается как миротворец и братолюбец, искусно сводящий к минимуму конфликты между своими ближайшими родичами. Однако отец Ярополка Мстиславича, судя по всему, дает ему имя, располагая всеми властными привилегиями и намереваясь передать их своему младшему брату, тогда как Андрей Владимирович, будучи одним из самых младших сыновей в семье, таким образом заручается для своих детей поддержкой сразу двух своих старших братьев.

Возвращаясь к договору между Андреем Добрым и Юрием Долгоруким, необходимо отметить, что и для семьи Юрия он отнюдь не прошел бесследно, хотя его детям и не пришлось на практике воспользоваться покровительством своего рано умершего дяди. Один из сыновей Долгорукого, по-видимому, третий по счету, был назван Андреем в честь родного дяди¹⁶, который — переживи он Юрия Долгорукого — должен был согласно договору стать гарантом прав своих племянников. Можно допустить, что Андрей (Боголюбский), третий сын своего отца, и Владимир, первенец Андрея Доброго, родились приблизительно в одно и то же время, и тогда-то и был заключен пресловутый «ряд» между братьями Мономашичами. Разумеется, такое предположение — не более чем догадка. Однако именно эта последовательность событий объясняла бы, почему именно третий сын Долгорукого был назван в честь дяди, и почему Долгорукий заботился, прежде всего, об интересах своего старшего племянника¹⁷.

Несколько сложнее обстоит дело с наречением еще одного Ярополка, принадлежащего к следующему поколению Мономашичей — речь идет о Ярополке Изяславиче, внуке Мстислава Великого. Можно предположить, что практика наречения одного из младших сыновей в честь живого дяди подхватывается потомством Мстислава. С определенной вероятностью Ярополк Изяславич родился при жизни брата своего отца Ярополка Мстиславича, о котором мы уже говорили

16 Необходимо учитывать, что Андрей было христианским именем, принявшим на себя функции родового, княжеского (подробнее об этом процессе см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен. С. 36–109). Запрета на повтор имени живого родича (включая повтор имени живого отца) у Рюриковичей не существовало. При этом в случае с Андреем Добрым и Андреем Боголюбским христианское имя Андрей выполняло во взаимоотношениях дяди и племянника такую же функцию, как и любое родовое имя.

17 В определенном смысле связь между племянниками и дядями не забывалась и после смерти. Ростислав, страший сын Юрия, умер при жизни своего отца, приблизительно через десять лет после смерти своего дяди Андрея Доброго. При этом в летописи его кончина и погребение описывается следующим образом: «Преставися Ростиславъ Гюргевиъ Переяслави свитающу велицей пятнице и положиша и братья Андрей Глебъ и Мстиславъ в церкви святаго Михаила близъ стрья своего Андрея и Святослава» (*ПСРЛ*. Т. 1. С. 330 под 1152 г.).

выше (напомним, что Ярополк Мстиславич фигурирует в летописи лишь под 1149 г.). Есть все основания считать Ярополка Изяславича третьим сыном князя Изяслава. Впервые он упоминается в летописи под 1160 г.¹⁸ Ярополк Изяславич участвует в военном походе вместе со своими братьями, Мстиславом и Ярославом, и назван в этом свидетельстве третьим по счету. Под 1161 и под 1162 гг. он упоминается как второй при своем брате Ярославе¹⁹. При этом, однако, необходимо учитывать ряд обстоятельств, как будто бы противоречащих ситуации наречения в честь живого дяди, или, во всяком случае, существенно ее уточняющих.

Во-первых, Ярополка Мстиславича вполне могло не быть на свете к моменту рождения племянника. После 1149 г. он раз и навсегда исчезает со страниц летописи. Если предположить, что он умер вскоре после похода, датированного этим годом, его племянник, родившийся после смерти дяди, к 1160 г. в принципе мог бы участвовать под началом старших братьев²⁰.

18 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 510.

19 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 516, 517.

20 Определение возраста и времени вступления в брак Ярополка Изяславича связано с загадочными упоминаниями в летописи князя Василька Ярополчица. Впервые князь с таким именем и отчеством появляется под 1150/51 гг. (*ПСРЛ*. Т. 1. С. 329; *ПСРЛ*. Т. 2. С. 410–411). В дальнейшем некий Василько Ярополчиц фигурирует в событиях 1165, 1169 и 1172 гг. (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 525, 533, 550). Кроме того, В. Н. Татищев, ссылаясь на Хрущевскую летопись, говорит о том, что в 1182 г. владел Дорогичином и захватил Брест. При этом, согласно версии Татищева, он был женат на дочери мазовецкого князя Лешка. Еще Н. М. Карамзин, однако, обратил внимание на тот факт, что князь Лешко был бездетен (Карамзин Н. М. *История государства российского*. СПб., 1892. Т. 1–12 (репринт: Slavistic Printings and Reprintings / С. Н. van Schooneveld (Paris, 1969). Т. 2. Прим. 87). О. Бальцер же отмечает, что единственный правитель с именем Лешко (сын Болеслава Кудрявого) умер в возрасте 26 лет; следовательно, если у него и была дочь, то едва ли она при жизни отца могла выйти замуж (О. Balzer, *Genealogia Piastów* (Kraków, 1895), 188). Польский исследователь также высказал предположение, что Василько, описывающийся в Хрущевской летописи, был женат не на дочери, а на сестре Лешка, дочери Болеслава Кудрявого (это мнение поддержал Н. А. Баумгартен: N. Baumgarten, *Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle* (Roma, 1928) (*Orientalia Christiana*, vol. 9:1, num. 35, maio, 1927), 23, табл. V, № 50).

Для нас наиболее существенно, кто именно был отцом Василька Ярополчица. В этой связи невольно возникает вопрос, идет ли речь в свидетельстве 1150/51 гг. и во всех позднейших сообщениях об одном и том же человеке. Н. М. Карамзин решал этот вопрос отрицательно: он называл сыном Ярополка Изяславича только того Василька, который появляется на исторической арене с 1165 г. (Карамзин Н. М. *История*. Т. 2, прим. 410). О Васильке же Ярополчице, упомянутом в 1150/51 гг., Карамзин отзывается как о «неизвестном» (Там же, прим. 332). На наш взгляд, утверждение о том, что под 1150/51 г. фигурирует не внук Изяслава Мстиславича, а какой-то другой человек, является абсолютно справедливым. В самом деле, если считать, что действующим лицом событий 1150/51 г. выступает сын Ярополка Изяславича, то оказывается, что он впервые упоминается в летописи десятилетием раньше своего отца! Кроме того, он оказался бы (в весьма юном возрасте) посредником в сношениях между явными противниками его деда, Владимиром Галицким и Андреем Боголюбским, организующим поход против Изяслава Мстиславича (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 410–411).

Заметим также, что Ярополк Изяславич, чтобы иметь к 1150 г. сына, способного участвовать в каких бы то ни было переговорах, должен был бы появиться на свет, по крайней мере, до 1125 г. Его старшие братья — Ярослав и Мстислав Изяславичи — следовательно, родились еще ранее. Если это так, то Мстислав Изяславич был наречен «дедним» именем еще при живом деде Мстиславе Великом, что также крайне маловероятно.

Во-вторых, даже если Ярополк Изяславич родился до смерти Ярополка Мстиславича, то, как кажется, у Изяслава могло и не быть каких-либо специальных оснований называть сына в честь собственного единокровного младшего брата, не располагающего значительным уделом и не имеющего — при столь обильной и могущественной родне — никаких особенных перспектив на продвижение в княжеской иерархии.

При этом имя мальчика могло апеллировать к памяти его умершего двоюродного деда, киевского князя Ярополка Владимировича, послужившего прототипом, как уже говорилось, и для наречения Ярополка Мстиславича. Кроме

Кем же мог быть Василько Ярополчич, упомянутый в известии 1150/51 г.? Не исключено, что это был сын Ярополка Владимировича, внук Владимира Мономаха (такая точка зрения, в частности, отражена в именном указателе к «Ипатьевской летописи» Л. Л. Муравьевой). На первый взгляд, это противоречит нашему утверждению о бездетности Ярополка Владимировича на момент заключения «ряда» о племянниках с Мстиславом (см. выше). Тем не менее, можно допустить, что Василько Ярополчич родился уже во времена киевского княжения своего отца, т. е. после смерти Мстислава Великого. При таком допущении понятно, что после смерти Ярополка в 1139 г. Василько, будучи еще ребенком, не мог участвовать в борьбе за киевский стол, а в обострившейся политической ситуации вообще мог не получить какого-либо самостоятельного княжения. Если развитие событий было именно таким, он, по-видимому, принимал лишь незначительное участие в жизни рода.

Подчеркнем еще раз, что наше предположение о том, кем *был* упоминающийся в 1150/51 г. Василько Ярополчич, являются весьма гипотетическими. При этом, однако, мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что сыном Ярополка Изяславича он не был. Иначе см. в указателе к «Лаврентьевской летописи» или, например: N. Baumgarten, *Genealogies*, 23, табл. V, № 50.

Н. М. Карамзин предполагает, что Василько Ярополчич, действующий лишь начиная с 1165 г., это другое лицо, а именно — сын Ярополка Изяславича (Карамзин Н. М. *История*. Т. 2, прим. 410, 416). Такая трактовка событий представляется вполне вероятной. Действительно, первый Василько Ярополчич мог умереть молодым, или по каким-то иным причинам сойти с исторической сцены и со страниц летописи. В то же время, и тот князь, который фигурирует под именем Василько Ярополчич в описании событий 1165, 1169, 1172 и 1182 гг., нигде напрямую не назван ни сыном Ярополка Изяславича, ни племянником Мстислава и Ярослава Изяславичей, ни, например, внуком Изяслава Мстиславича. Он действует самостоятельно или заодно с потомками Изяслава Мстиславича, но никогда не упоминается рядом со своим предполагаемым отцом — Ярополком Изяславичем, занимающим в летописи вообще весьма скромное место.

Все вышеизложенное делает, как кажется, вполне возможными две различные трактовки упоминаний в летописи Василька Ярополчича. Во-первых, речь может идти о двух разных людях. При этом мы не можем с абсолютной точностью указать, о каких именно, но одной из подходящих кандидатур на роль младшего из двух Васильков является сын Ярополка Изяславича. Во-вторых, речь может идти об одном и том же человеке, и тогда это может быть как внук Владимира Мономаха, сын Ярополка Владимировича, так и правнук Мономаха, внук Андрея Доброго, сын Ярополка Андреевича. Но в этом втором случае это никак не может быть праправнук Мономаха, сын Ярополка Изяславича.

Интересующий нас Ярополк Изяславич в 1166 г. женится на дочери Святослава Ольговича (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 525). Если считать, что действующий в 1165 г. Василько Ярополчич — его сын, то этот брак у Ярополка второй (ср. подобную точку зрения: N. Baumgarten, *Genealogies*, 23, табл. V, № 40), и сам он является вполне зрелым человеком, ненамного моложе своих братьев Мстислава и Ярослава. Если же упоминающийся в 1165 г. Василько Ярополчич не является его сыном, то вполне вероятно, что это первый брак Ярополка, и сам он в 1166 г. еще совсем молод.

того, вновь могли оживать реминисценции, связанные с событиями конца XI в., с родом князя киевского Изяслава Ярославича. Дело в том, что новорожденный Ярополк становился полным тезкой предательски убитого Ярополка Изяславича старшего. Политическую актуальность эти давние события для потомков Мономаха уже утратили, но в родовой традиции совпадения не только имен, но и отчеств предка и потомка имели своеобразную самостоятельную ценность, тем более что Ярополк Изяславич старший был первым сыном киевского князя, а Ярополк Изяславич младший, по-видимому, лишь третьим сыном своего отца. Такое совпадение имен и отчеств предка и потомка могло считаться весьма почетным.

Разумеется, если Ярополк Мстиславич к моменту рождения племянника был еще жив, едва ли его существование полностью игнорировалось братом Изяславом при имянаречении ребенка. Использование имени живого дяди не было запретным (тем более что в предыдущем поколении семьи такая практика присутствовала). Возможно, установление связи с дядей могло трактоваться как небесполезное для племянника, а тот факт, что он был существенно младше отца ребенка, мог иметь двойное значение. С одной стороны, как уже говорилось выше, Ярополк Мстиславич занимал скромное место в княжеской иерархии. С другой стороны, он имел шансы намного пережить своего старшего брата Изяслава и в течение долгих лет оказывать поддержку его детям, своим племянникам. Совпадение имен двух более знаменитых умерших родичей Ярополков и одного живого родича, дяди новорожденного, в этом случае не вело к антропонимическому конфликту, а скорее давало дополнительные основания для наречения сына Изяслава Мстиславича именем Ярополк.

Рассмотрим, наконец, еще один, более поздний пример имянаречения племянников, связанного с «рядом» между их отцами и дядями, еще один пример оставления племянников «на руке» дяде, тезке одного из них. Мстислав Ростиславич, внук Мстислава Великого, умирая, оставляет следующее распоряжение:

«се приказываю дея свое Володимера Борисови Захарьичю и съ симъ даю брату Рюрикови и Давьдови с волостью на руке а что о мне Богъ промыслить и тако приказавъ дети свои братье свои и воздевь руке на небо и воздохнувъ изъ лубины сердца прослезився и предасть душу свою в руке Божие престаи же ся князь Мстиславъ сынъ Ростиславль внуку великаго князя Мъстислава»²¹.

Обратим внимание, что Мстислав оставляет детей на попечение своих родных братьев Рюрика и Давыда. При этом у Давыда к моменту его смерти были сын по имени Мстислав, тезка своего родного дяди (у Рюрика же, насколько нам известно, Мстислава не было)²². В свою очередь у самого Мстислава Ростисла-

21 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 609 под 1179 г.

22 В 1187 г. этот Мстислав Давыдович умирает (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 654–655). Показательно, однако, что когда у Давыда в 1193 г. рождается еще один сын, он называет его Мстиславом: «Тое же

вича был сын Давыд, тезка одного из живых дядей, которым отец завещал попечение о своих сыновьях. Таким образом, есть основания полагать, что трое из братьев — Рюрик, Давыд и Мстислав — заключают при жизни некую договоренность, касающуюся попечения о детях в случае смерти кого-нибудь из них. Это соглашение скрепляется своеобразным «антропонимическим союзом». Давыд, который, вероятно, был ближайшим к Мстиславу Ростиславичу по возрасту, дает своему сыну имя Мстислав, которое одновременно является именем их прославленного умершего деда (Мстислава Великого), целого ряда их умерших родичей и именем его ныне живущего брата (Мстислава Ростиславича), возможного покровителя его детей²³. Мстислав Ростиславич же называет своего сына (по-видимому, второго) — в связи с все тем же соглашением — Давыдом, в честь одного из своих живых братьев.

Волею судьбы именно Мстиславу Ростиславичу суждено было первым воспользоваться договоренностью и завещать своих детей (вместе с властью) «на руке» дядьям. Рюрик Ростиславич, судя по всему, выполнил взятые на себя обязательства и принял на свое попечение племянников. Во всяком случае, полки княжича Владимира под предводительством упомянутого в предсмертном распоряжении Бориса Захарыча действуют в качестве младшей дружины по указаниям Рюрика Ростиславича²⁴. Со временем Владимир и Давыд Мстиславичи вступили во владение волостями (одного из них мы видим князем Новоторжским, а другого — князем Торопецким).

Итак, приведенные выше примеры наречения ребенка в честь живого дяди позволяют сделать некоторые предварительные выводы о том, каким образом это могло происходить в ветви рода, занимающей в течение нескольких

зымы родися у Давыдова сынъ нарекоша во крещении Феодоръ а княже Мъстиславъ» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 679). Наречение этого княжича свидетельствует о том, сколь большое значение придавалось имени Мстислав в семье Давыда. Новорожденный, благодаря своему имени, связан с чередой умерших родичей: прадедом (Мстиславом Федором Великим), родным дядей (Мстиславом Ростиславичем) и собственным старшим братом (Мстиславом Давыдовичем). Дядю и Мстислава Давыдовича старшего в крещении, вероятнее всего, тоже звали Феодорами (Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 114; Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков.* М., 2001. С. 593–594; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор славянского и греческого имени для русского князя. *Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья.* Материалы конференции. М., 2001).

23 Как известно, сын Мстислав был и у Романа Ростиславича. Естественно было бы предположить, что соглашение между братьями о покровительстве племянникам изначально распространялось и на этого самого старшего из Ростиславичей. Почему же Роман не упомянут в предсмертном распоряжении Мстислава Ростиславича? Вслед за С. М. Соловьевым можно предположить, что причиной тому была размолвка между братьями (Соловьев С. М. *Сочинения*. Книга I: *История России с древнейших времен*. Т. 1–2. М., 1988. С. 579, 707–708. Прим. 388). Кроме того, Роман очень ненадолго пережил своего брата и умер в 1180 г. (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 616–617). В принципе не исключено, что Мстислав знал о болезни брата и мог предвидеть его скорую кончину.

24 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 621–622 под 1180 г.

поколений высшее место в княжеской иерархии. Напомним, что речь шла об эпохе, когда прямые потомки Мономаха весьма успешно борются за киевский стол, который не успел еще потерять своего главенствующего значения. При таком положении дел наречение в честь живого дяди связано с неким соглашением между братьями, соглашением, порой принимающим форму договора с крестоцелованием, а порой ограничивающимся, по-видимому, некоторой менее строгой договоренностью. Подобного рода договор отдает под покровительство дяди всех племянников. Имя же в честь дяди получает один из младших, не являющийся главным претендентом на родовое наследие. Не исключено, что его имянаречение непосредственно связано со временем заключения соглашения между братьями. Имя новорожденного призвано послужить своего рода виртуальной гарантией того, что дядя, оказавшийся его тезкой, не оставит племянников после смерти брата, а старшие племянники, в свою очередь, не станут действовать против дяди.

При реализации такой схемы племянник, названный в честь дяди, разумеется, не претендует при жизни последнего на его место в княжеской иерархии. В описанных выше ситуациях дядя, скорее, призван обеспечить всем племянникам (и, в первую очередь, старшим из них) наиболее высокую роль в иерархии среди людей их поколения. Иными словами, он должен был позаботиться о том, чтобы другие братья не ущемляли их прав, и чтобы по возможности им было отдано предпочтение перед всеми кузенами. Разумеется, и такой «ряд» и, тем более, такое имянаречение могли отражать лишь пожелание того, кто выбирал имя, и коль скоро эти пожелания были направлены в отдаленное будущее, они далеко не всегда осуществлялись на практике. Ярополк Мстиславич и Ярополк Андреевич остаются малозначительными князьями, уступающими своему дяде — киевскому князю Ярополку Владимировичу. Андрей Боголюбский же, напротив, далеко превосходит могуществом и славой Андрея Владимировича Доброго, в честь которого когда-то был назван.

Однако совпадение имен живых родичей у потомков Мономаха могло возникнуть и по другим причинам. В частности, речь может идти не о антропонимической связи между дядей и племянником, но и о своеобразной конкуренции между кузенами-тезками, получившими одинаковые имена. Не всегда возможно определить, была ли подобная ситуация соперничества заранее спрогнозирована их отцами — родными братьями, выбирающими имена для своих сыновей. Иногда вражда между братьями, их стремление «захватить» определенные имена, оттеснить племянников от родового наследия более или менее очевидны. В других случаях совпадение имен кузенов выглядит результатом каких-то более мирных, естественных процессов, хотя и здесь трудно предположить, что отцы не придавали никакого значения тому обстоятельству, что их дети получают одинаковые имена.

Примером такого рода совпадения может служить имянаречение двух кузенов, внуков Владимира Мономаха. Напомним, что в честь деда Владимиром был назван один из самых младших сыновей Мстислава Великого, родившийся

незадолго до смерти своего отца²⁵. В честь деда был наречен и старший сын Андрея Владимировича Доброго. Эти Владимирсы (Мстиславич и Андреевич), как и Ярополки (Мстиславич и Андреевич), приходились, таким образом, двоюродными братьями друг другу.

На первый взгляд, здесь едва ли оправдано говорить о соревновании, соперничестве их отцов. Оба ребенка родились вскоре после смерти их общего деда, одного из самых могущественных князей Рюриковичей, и наречение его именем было более чем естественно²⁶. О соперничестве их отцов, Мстислава и Андрея, трудно говорить также и из-за различия в их статусе: Мстислав был первенцем Мономаха, киевского князя, а Андрей одним из младших детей Мономаха от второго брака. Тем не менее, едва ли можно забыть и о том, что Владимир Мстиславич был одним из последних (а, вероятнее всего, самым последним) сыновей Мстислава, тогда как Владимир Андреевич — старшим сыном своего отца. К тому же эти княжичи — старший сын младшего сына и младший сын старшего сына — были почти ровесниками. Следовательно, по родовому счету в княжеской иерархии они стояли не так далеко друг от друга.

Совпадение имен, наречение в честь одного и того же предка-прототипа еще более усиливало эту близость позиций. Действительно, много позже эти князья, несмотря на все различие в их династических судьбах, нередко претендуют на одни и те же волости. Камнем преткновения в их соперничестве, как известно, становится город Дорогобуж. Интересы обоих Владимиров связаны с Вольныю. Как кажется, в 1152 г. Дорогобужем владел Владимир Мстиславич, а Владимир Андреевич сидел в Пересопнице²⁷. При этом Владимир Андреевич, как мы знаем, получил в 1158 г. и Дорогобуж, и Пересопницу из рук своего дяди Юрия Долгорукого²⁸. Под 1171 г. мы находим в летописи упоминание о том, что он не пускает в этот свой город Владимира Мстиславича²⁹. Под тем же годом в Ипатьевской летописи помещен рассказ о том, как немедленно после смерти Владимира Андреевича³⁰ Владимир Мстиславич входит в Дорогобуж, поклявшись дружине покойного князя и его княгине не причинять им зла и ущерба. Овладев городом, Владимир Мстиславич нарушил клятву, разграбил имущество своего двоюродного брата и выгнал из города княгиню с телом покойного мужа³¹.

25 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 294 под 1132 г.

26 Так, практически одновременно с рождением Владимира Мстиславича, появляется на свет и его родной штемяник-тезка, внук Мстислава Великого Вальдемар. Однако он был его родичем по женской линии, сыном его сестры Ингибьберг. О его наречении см.: Успенский Ф. Б. *Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки*. М., 2002. С. 34–44; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен. С. 94, прим. 40.

27 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 446. Ср.: Соловьев С. М. *История России с древнейших времен*. Т. 1–2. С. 467, 691, прим. 274.

28 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 487–488.

29 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 537.

30 Согласно Лаврентьевской летописи, князь Владимир Андреевич скончался в 1170 г. (*ПСРЛ*. Т. 1. С. 362).

31 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 546–548.

Разумеется, Мстислав Великий и Андрей Добрый не могли заранее предвидеть такого развития событий. Тем не менее, в родовой иерархии эти двоюродные братья, их сыновья, занимают такое положение, что вынуждены претендовать на одни и те же владения. Не исключено, что подобная ситуация хотя бы отчасти являлась результатом династических расчетов их отцов, давших им, кроме всего прочего, одинаковые имена³².

Богатейший материал, относящийся к проблеме совпадения имен живых родичей и, в частности, имен дядей и племянника, дает еще одна могущественная ветвь Рюриковичей — потомки Святослава Ярославича. Говоря об имянаречении в этой родовой линии, необходимо помнить о том, что принципы выбора имен у князей домонгольской Руси были достаточно общими, как общим был и сам корпус имен. В то же время некоторые имена были гораздо более популярными в одной ветви рода, нежели в другой. Точно так же и определенные подходы к выбору имени могли формировать своего рода локальную, узкосемейную традицию. При этом не стоит и переоценивать замкнутость такого семейного именователя. Поскольку имя было элементом династической стратегии, многое при его выборе объяснялось конкретной политической ситуацией, сиюминутной расстановкой сил. Уходя в тень или, волею судеб, выдвигаясь на первый план, та или иная линия рода вырабатывала свою специфику имянаречения или отказывалась от нее, в то время как общединастические принципы выбора имен оставались неизблевыми.

Как известно, сын Ярослава Мудрого Святослав после смерти в 1076 г. не оставил киевского княжения своим сыновьям. При этом его брата Всеволода Ярославича, о потомстве которого речь шла выше, фактически пережил только один сын — Владимир Мономах³³. У Святослава Ярославича же, судя по источникам, сыновей было пятеро: Глеб, Роман, Давыд, Олег и Ярослав. Отношение его сыновей с дядьями Ярославичами складывались непросто, во всяком случае, они не были отданы отцом под покровительство кого-либо из его братьев. Киевский стол переходит от брата к брату, позднее же его получает сын Изяслава, Святополк, а вслед за ним сын Всеволода, Владимир. Между тем, трое оставшихся в живых Святославичей, которые по родовому счету были

32 В этом отношении показательна история волынского Дорогобужа как предмета спора множества двоюродных братьев. Этот город несколько раз оставался выморочной волостью. Юрий Долгорукий отобрал его у своего единокровного брата Вячеслава Владимировича. В 50-е гг. XII в. Юрий отдавал его то своим сыновьям, то племянникам. Как кажется, отчасти это происходило потому, что Вячеслав не только не имел достаточно сил, чтобы отстаивать свои права, но и не имел наследника, которому он мог бы эти права передать — его сын Михалко умер в 1130 г. Таким образом, кузены Владимир Андрееч, Владимир Мстиславич и сыновья Юрия Долгорукого спорят из-за волости, исходно принадлежавшей их дяде, который к тому времени остался без детей. Иными словами, оставшиеся в живых двоюродные братья оспаривают освободившееся наследие, освободившееся место брата умершего, Михалка Вячеславича.

33 Как мы помним, Ростислав Всеволодич, князь переяславский, не пережил своего отца и на два месяца, утонув при отступлении в мае 1093 г.

старше Владимира Всеволодича, оказываются обойденными. Судя по их стратегии имянаречения, братья с самого начала задают параметры той жесткой и чрезвычайно плотной конкуренции, которая будет определять политику этой ветви черниговских, рязанских и муромских князей в дальнейшем.

Прежде чем рассматривать ситуацию совпадения имен живого дяди и племянника в этой ветви рода, упомянем о некоторой специфике других принципов имянаречения в этой семье. Имена сыновей в семьях Давыда, Олега и Ярослава во многом совпадают³⁴. Так, сыновей Давыда зовут Святослав, Всеволод, Владимир, Изяслав и Ростислав. Соответственно, сыновей Олега Святославича звали Всеволод, Игорь, Глеб и Святослав, а сыновей Ярослава Святославича — Святослав, Ростислав и Юрий. В определенном смысле Святославичи соревнуются в наречении детей, стараясь заполнить — каждый своими сыновьями — важные с династической точки зрения «антропонимические вакансии». При этом можно предположить, что Ярослав, как младший, несколько отстает от братьев и подражает им.

Точное время появления на свет внуков Святослава нам не известно. У каждого из его детей, оставивших потомство, есть по сыну, названному в честь деда (Святослав Давыдович, Святослав Ольгович и Святослав Ярославич, соответственно). Безусловно, Святослав Ярославич, киевский князь и основатель этой ветви рода, был самой значимой фигурой в ее истории. При этом у двух старших братьев Святославичей есть сыновья по имени Всеволод. Судя по первым упоминаниям их в летописи, можно предположить, что рождение и Всеволода Давыдовича, и Всеволода Ольговича приходится, с одной стороны, на время после смерти их двоюродного деда Всеволода Ярославича, а с другой стороны, и не слишком далеко отстоит от времени его кончины.

Как мы помним, киевский стол после Всеволода наследует не сын, а племянник, отпрыск Изяслава Ярославича. В некотором смысле на этом этапе осуществляется та редко воплощаемая на практике модель, когда младшим братьям наследуют сыновья старших, когда поколение дядьев сменяется на киевском столе поколением племянников в строгом соответствии с родовым старшинством. Не исключено, что, называя сыновей в честь своего дяди (Всеволода Ярославича), Святославичи апеллируют к законности именно такого порядка наследования. В его рамках после Святополка Изяславича киевский стол должен был перейти к ним, к Святославичам, и когда-то киевским князем суждено было бы стать кому-то из новых Всеволодов (внуков Святослава). Показательно, что текущая распря с Всеволодом Ярославичем и его потомками, как и во многих других случаях, не препятствовала использованию их родовых имен. Важно отметить, однако, что приблизительно в эту же пору Мстислав Великий, родной внук Всеволода Ярославича, называет своего старшего сына

34 О потомстве двух других рано умерших сыновей Святослава Ярославича, Глеба и Романа, нам, в сущности, ничего не известно.

Всеволодом, «выпрямляя» и «перетягивая» на свою сторону воплощаемую в именах линию престолонаследия³⁵.

Не столь очевидны мотивы выбора имени для двух Ростиславов (Ростислава Давыдовича и Ростислава Ярославича). Возможно, в качестве прототипа избирается здесь тот самый Ростислав Владимирович, который был сыном одного из старших Ярославичей, но, оставшись без отца еще при жизни деда, был обделен дядьями при разделе столов. Такая ориентация на умершего предка остается, однако, несколько двусмысленной. В свое время Ростислав Владимирович был, с одной стороны, представителем старшей ветви потомков Ярослава Мудрого, но, с другой стороны, оказывался в положении князя-изгоя.

Более близким по времени прототипом для имянаречения мог служить другой Ростислав, князь переяславский, сын Всеволода Ярославича, брат Владимира Мономаха, умерший в 1093 г. Хотя он и не успел сыграть самостоятельной роли в истории Рюриковичей, в ветви Мономаха имя его, несомненно, почиталось. Так, в частности, был назван один из сыновей Мстислава Великого. Не исключено, что в данном случае Святославичи снова вступали в своеобразную конкуренцию с Мономашичами в области родового антропонимикона. Можно упомянуть также еще нескольких внуков Святослава, названных в честь сыновей Ярослава Мудрого: Изяслава Давыдовича (несомненно, в честь Изяслава Ярославича), Игоря Ольговича (в честь Игоря Ярославича) и Владимира Давыдовича.

Что касается наречения последнего, то здесь может просматриваться несколько причин выбора имени Владимир. С одной стороны, при имянаречении едва ли мог быть забыт Владимир Святой, мог приниматься в расчет и Владимир Ярославич. С другой стороны, несомненно, существенным было и то обстоятельство, что Владимиром звали здравствующего в ту пору сына Всеволода Ярославича — Владимира Мономаха, главного противника Святославичей в борьбе за старшие столы. При этом, однако, не стоит рассматривать отношения Мономаха и потомков Святослава Ярославича исключительно в перспективе противостояния и конкуренции. Всем трем братьям (Давыду, Ярославу и Олегу) случалось, как мы помним, вступать в союз и родство с Владимиром Всеволодичем и его потомством. Так, Олег Святославич был крестным отцом старших сыновей Мономаха. Не исключено, таким образом, что его брат Давыд назвал сына в честь Владимира Мономаха.

Нетрудно заметить, что в поколении внуков Святослава Ярославича выделяются две группы имен. Одна из них принадлежит, так сказать, общеродовому фонду и охотно используется всеми Рюриковичами, а другая особенно любима именно этой ветвью рода, хотя и не является полностью «запретной» для других княжеских домов. С помощью этой излюбленной группы имен и формируется потомками Святослава особая плотность родовой группы.

35 Ср.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен. С. 48.

Всеволод, старший сын наиболее предприимчивого из черниговских князей Олега Святославича, называет своего сына Святославом, притом, что у ребенка живы и родной дядя-тезка, Святослав Ольгович, и его двоюродные дядья — Святослав Давыдович и Святослав Ярославич³⁶. Такой выбор имени для старшего сына, вероятнее всего, отражает стремление Всеволода Ольговича заявить о себе и о своем наследнике как о главном «правопреемнике» наследия Святослава Ярославича. В самом деле, Всеволод достаточно рано становится самым могущественным из живущих потомков Святослава, причем речь идет, в данном случае, не только о людях его поколения. Как известно, в 1127/28 г. он выгнал из Чернигова своего «стрия» (дядю по отцу) Ярослава³⁷. Много позже, сделавшись киевским князем, Всеволод стремился уравновесить интересы наиболее могущественных князей Рюриковичей.

При этом устремления подобного рода, по-видимому, были заложены в его династической политике изначально. Всеволод женился на дочери Мстислава Великого³⁸ и сумел обойтись без военного конфликта со своим тестем во время ссоры с родным дядей³⁹. После смерти Мстислава ему приходилось воевать как с Владимировичами (сыновьями Мономаха), так и с Мстиславичами, однако его предпочтение собственной «братии» не было столь уж безоговорочным. Более того, с именем Всеволода связана прямая фиксация в летописи факта противопоставления интересов родных братьев правителя и его собственного старшего сына: «...и бысть братьи его тяжко сердце Игореву и Святославу волости бо дасть сынови а братьи не надели ничимъ же»⁴⁰.

Подобные претензии нельзя, однако, рассматривать как симптом полного отстранения родных братьев от родового наследия, как переход от «горизонтального» принципа наследования власти к «вертикальному». Всеволод Ольгович вынужден, в конце концов, раздать волости и братьям, как он вынужден впоследствии передать киевский стол не сыну, а своему брату Игорю. Стратегия имянаречения (и стремление наделить сына как можно большим при своей жизни) связаны с желанием обеспечить его властью «на будущее». Иными словами, если бы отношения между князьями мыслились ими исключительно в русле интересов рода, то для черниговских князей потомки Святослава Ярославича в качестве обладателей старших столов априори были бы предпоч-

36 Родной дядя умер в 1164 г., в то время как его племянник Святослав Всеволодич в 1143 г. уже женился. Святослав Давыдович упоминается в 1142 г., а Святослав Ярославич умер в 1145 г.

37 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 296–297; Т. 2. С. 290.

38 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 308–309 под 1140–1141 гг.; Т. 2. С. 308–309, 310, 313.

39 Мстислав Великий, как известно, был связан обещанием о помощи Ярославу Святославичу. Ярослав, изгнанный своим племянником из Чернигова в Муром, стал просить об обещанной по крестному целованию помощи. Всеволод же уговаривал Мстислава не вступаться за Ярослава, «боляры подлучая и дары дая» (*ПСРЛ*. Т. 1. С. 297). Мстислав и в самом деле не стал помогать Ярославу, однако решающее воздействие на него оказало мнение игумена Григория и собора иереев.

40 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 310 под 1142 г.

тительнее всех остальных Ярославичей, родные братья предпочтительнее двоюродных, а в отдаленной перспективе сыновья были бы предпочтительнее племянников.

При этом реальная политическая ситуация могла быть такова, что князья объединялись с более отдаленными родичами против более близких. Не всегда и сами семейные планы столь буквально соответствовали традиционной родовой последовательности. Родной дядя мог оказываться главным препятствием на пути собственного племянника, а отец мог стремиться передать власть своему сыну в обход братьев. Однако возможности князей в этом отношении были довольно существенно ограничены традицией, как был ограничен и тот культурный язык, на котором подобные интенции могли быть выражены. Имена были одним из тех способов, с помощью которых делались такие «высказывания».

Видел ли Всеволод в родном брате Святославе прямого покровителя своего старшего сына? Заключали ли братья между собой какое-либо соглашение, аналогичное тем, которые были у сыновей Мономаха? Едва ли мы можем полностью отрицать такую возможность. Однако некоторые основания для того, чтобы усомниться в столь однозначной трактовке выбора имени для первенца Всеволода Ольговича, у нас все-таки есть.

Во-первых, Всеволод еще при своей жизни прочит киевский стол не Святославу, а Игорю:

«...Володимиръ посадилъ Мъстислава сына своего по собе в Киеве а Мъстиславъ Ярополка брата своего а се а мольвлю оже мя Богъ поиметь то азъ по собе даю брату своему Игореву Киевъ и много замышлявъ Изяславу Мъстиславицю мужа бысть целовати крестъ и седшимъ всеи братью въ Всеволода на сенехъ и речъ имъ Всеволодъ Игорю целуи крестъ яко имети братью въ любовь а Володимиръ и Святославъ и Изяславъ целуйте крестъ ко Игореву что вы начнетъ даяти но по воли а не по нужи и целоваша на всеи любви крестъ»⁴¹.

Более того, Всеволод еще до своей смерти успевает возвести Игоря на киевский стол⁴². Таким образом, видя в течение долгого времени в Игоре своего преемника, Всеволод должен был, как кажется, именно Игоря сделать главным гарантом прав племянников, именно с ним в первую очередь договариваться о помощи своим детям, если подобного рода договор вообще имел место. В подобном соглашении младшему брату Святославу Ольговичу вероятнее могла быть отведена лишь второстепенная роль, поэтому не вполне понятно, зачем старший племянник мог быть назван непосредственно в его честь⁴³.

41 ПСРЛ. Т. 2. С. 317–318 под 1145 г.

42 ПСРЛ. Т. 2. С. 320–321.

43 Впрочем, необходимо учитывать, что расстановка сил в семье легко могла перемениться за время, прошедшее между рождением Святослава Всеволодича, и последними годами княжения в Киеве его отца.

Во-вторых, особое покровительство Святослава Ольговича по отношению к Святославу Всеволодичу вызывает определенные сомнения еще и потому, что «Всеволодич» был на протяжении долгих лет весьма близок со своими дядьями по материнской линии (сыновьями Мстислава Великого). Точнее было бы сказать, что этот князь колеблется между своими «уями» и «стрыями», дядьями по матери и дядьями по отцу⁴⁴. Своеобразная роль «сестричича», которую играет в течение определенного периода Святослав Всеволодич, на наш взгляд, была бы не вполне совместима с особым покровительством Святослава Ольговича. Действительно, то недолгое время, пока Игорь является киевским князем, Святослав Всеволодич действует с ним заодно, но когда Игорь терпит полное поражение, племянник решается прибегнуть к милосердию победителя (Изяслава Мстиславича) в Киеве, а не бежит с другим своим дядей по отцу (Святославом Ольговичем) «на устье Десны за Днепр»⁴⁵.

В-третьих, при жизни Всеволода его брат и сын занимают по его указанию чуть ли не одни и те же позиции. В самом деле, Всеволод сначала пытается отдать новгородское княжение своему брату Святославу, а потом, когда тот не поладил с новгородцами, своему сыну Святославу (что тоже, впрочем, не увенчалось успехом)⁴⁶. Гораздо позднее, когда спустя довольно долгое время после смерти Всеволода тезки (дядя и племянник) вновь объединяются, в летописи они зачастую описываются как два равноправных участника событий. Ср., например, ситуацию противостояния двух потомков Мономаха, Изяслава и Юрия Долгорукого. Здесь дядя и племянник действуют на стороне Юрия против Изяслава и именуются вместе и на равных:

«Святославома [дателный падеж двойственного числа от имени Святослав! — *А. Л., Ф. У.*] же перебрешома Днепр с Половци въздаша весть Гюргеви рекуще поиди вборзех уже есмы перебрели Днепр»⁴⁷. Ср. также: «Святослава же оба Олговичь и Всеволодичь и ини князи слышавше идуца Изяслава Андреевича с силою Ростовскою»⁴⁸.

Все это дает нам основание предположить, что никаких особых отношений покровительства между дядей и племянником Святославами не предполагалось. По-видимому, Всеволод Ольгович назвал своего сына Святославом не столько в честь живого дяди, сколько в честь их общего предка Святослава Ярославича. Можно предположить, что он пытался установить ситуацию иерархического равенства между своим младшим братом и старшим сыном. Подобная ситуация в отдаленной перспективе позволяла претендовать на всю полноту власти тому

44 Ср., например, замечание летописца: «Святославъ же <Всеволодич> не хотяше отступити от уя своего Изяслава <Мстиславича> по неволею еха строя своего дела Святослава Олговича» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 377 под 1149 г.).

45 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 327.

46 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 307 под 1140 г.

47 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 332 под 1152 г.

48 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 350 под 1159 г.

из родичей, кто в действительности был младше по возрасту. Потомки Святослава как бы «выхватывают» имя Святослав друг у друга, надеясь закрепить с его помощью старшинство в своей ветви рода и добиться того главенства среди всех Рюриковичей, которым обладал когда-то Святослав Ярославич. Иными словами, Всеволод Ольгович, чувствуя себя, по-видимому, достаточно могущественным, чтобы предпринять очередную попытку «упрощения» генеалогического ряда, напрямую связывает своего сына с дедом в обход прочих родичей. При такой перспективе дядя, родной и двоюродный, рассматриваются скорее как «лишние звенья» в родовой последовательности.

Любопытен в этой связи случай с наречением еще одного Святослава из поколения правнуков Святослава Ярославича. Так назвал своего сына князь Владимир Давыдович. У Владимира Давыдовича был родной брат Святослав, знаменитый князь-инок Никола Святоша. В данном случае, мы не знаем ниточного года смерти Святослава Давыдовича, ни времени появления на свет его племянника Святослава Владимировича. Известно лишь, что Святоша был еще жив в 1142 г.⁴⁹, при этом Владимир Давыдович женился на дочери Всеволода Городенского в 1144 г.⁵⁰, а его сын Святослав, в свою очередь, вступил в брак с дочерью Андрея Боголюбского в 1159 г.⁵¹

Таким образом, Святослав Владимирович мог родиться до смерти Святоши, — в этом случае имя связывало его и с прадедом, и с дядей. Существенно, что при такой последовательности событий речь идет о наречении в честь дяди, почитаемого князя-инока, служившего миротворцем между враждующими родичами. Дядя, кроме того, отказавшись от мира, в определенном смысле «освободил» не только место в родовой иерархии, но и родовое имя⁵². Он мог быть помощником и заступником племянника-тезки, но уже на совсем ином уровне. Такого рода заступничество не прекращалось и со смертью покровителя. Иначе говоря, племянник мог быть назван в честь живого дяди почти на тех же основаниях, на которых он нарекался бы в честь дяди умершего. Парадоксальным образом, для истории имянаречения Рюриковичей в этом случае не имеет решающего значения, родился ли Святослав Владимирович до или после смерти Святослава Давыдовича. Для нас существенно, кроме того, что, выбирая

49 ПСРЛ. Т. 2. С. 312.

50 ПСРЛ. Т. 2. С. 317.

51 ПСРЛ. Т. 1. С. 350.

52 Соответствующий пример можно видеть у франков эпохи Карла Великого (о параллелях династической истории франков той эпохи и династической истории Рюриковичей конца XI в. см.: Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.). Младший брат Пипина Короткого, Карломан, в 747 г. принял постриг и «оставил обременительное управление переходящим царством» (Эйнхард. Жизнь Карла Великого. *Историки эпохи Каролингов*. М., 2000. С. 11). Умер он в 755 г., а его племянник, родной брат Карла Великого, появился на свет в 752 г. и получил имя своего живого дяди — Карломан. Позднее, в 768 г., когда умер Пипин Короткий, отец Карла Великого и Карломана, решением государственного совета владения франков были разделены, и Карломану было отдано то, чем некогда владел его дядя, носивший то же имя (Эйнхард, Жизнь Карла Великого. С. 12).

такое имя для мальчика, его отец не мог не отдавать себе отчета в том, что когда он вырастет, ему предстоит действовать в среде, где уже есть несколько Святославов, приходящихся ему довольно близкими родичами. Действительно, на практике оказывается, что в одном эпизоде летописного повествования могут столкнуться три Святослава — дядя и его родной и двоюродный племянники⁵³.

Подобная теснота ряда в отношении имени Святослав поддерживается и в следующих поколениях черниговских князей. Это имя в 1167 г. получает родной внук Святослава Ольговича — Святослав Ольгович, сын его старшего сына Олега. Дед умирает за два года до рождения этого внука, поэтому имянаречение в его честь было, разумеется, вполне естественным⁵⁴. Кроме того, в 1167 г. умирает Святослав Владимирович Вщижский, сын Владимира Давыдовича. Олег Святославич и Святослав Всеволодич вступают в борьбу за его выморочный удел. Возможно, в этом противостоянии сыграло роль и то обстоятельство, что Святослав Всеволодич, вопреки обещанию, так и не наделил волостями младших братьев Олега — Игоря и Всеволода⁵⁵. Сын Олега рождается в разгар борьбы за наследство Святослава Владимировича⁵⁶. Называя его Святославом, Олег, по-видимому, подчеркивает связь своей семьи не только со Святославом Ольговичем (внук становится его полным тезкой), но и с совсем недавно умершим Святославом Владимировичем, родовые права которого Олег хочет унаследовать, «перетянуть» в свою семью. Живой же Святослав — его соперник Святослав Всеволодич, двоюродный дядя новорожденного — оказывается «лишним», вытесняемым звеном в генеалогической цепи.

О том, насколько для Олега было существенно задействовать в своих интересах имя Святослав, говорит еще и то обстоятельство, что новорожденный нарекается «въ крещеньи Борисъ а мирьсти Стославъ»⁵⁷. Строго говоря, имя Борис к тому времени уже довольно давно совмещало в себе функции родового и христианского, и княжичу вполне «хватило» бы и его одного⁵⁸. Однако по политическим соображениям он, по-видимому, непременно должен был быть еще и Святославом.

При жизни Святослава Всеволодича появляется на свет и еще один его двоюродный племянник, также внук Святослава Ольговича, но от другого сына — Игоря: «В том же лете родися у Игоря сынъ и нарекоша имя ему въ крещеньи Андреянь а княжее Святославъ»⁵⁹. Таким образом, в ближайшем

53 Ср., например: *ПСРЛ*. Т. 1. С. 350 под 1159 г.

54 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 522–524 под 1164 г.

55 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 524 под 1164 г.

56 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 526 под 1167 г.

57 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 526 под 1167 г.

58 О роли имени Борис в княжеской династии и о принципах выбора христианских имен см.: А. Пошп. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях, *Russia Mediaevalis* (VIII:1, 1995), 56–68; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен. С. 59–60, 91–92.

59 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 604 под 1177 г.

родовом пространстве вновь оказываются три Святослава: два двоюродных брата и их двоюродный дядя.

Можно с уверенностью утверждать, что, нарекая каждого нового Святослава в этой ветви рода, князья вновь и вновь апеллируют к имени Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого. Впоследствии же к ряду возможных прототипов добавляются и умершие предки из чернигово-рязанской ветви. Живые же родичи Святославы порой могут восприниматься как препятствие, «лишнее звено» в генеалогической истории.

Возвращаясь к тем временам, когда еще живет и действует Святослав Ольгович, правнук Ярослава Мудрого, обратим внимание, что и он, и Святослав Всеволодич в совокупности зачастую именуется в летописи Ольговичами, по имени отца одного из них и деда другого. Имя Олег вообще становится в этой ветви рода не менее значимым, чем имя Святослав. Более того, особую роль приобретает здесь сочетание имени и отчества Олег Святославич, которое носил в свое время знаменитый черниговский и рязанский князь. По-видимому, первым имя своего отца для наречения сына использует Святослав Ольгович⁶⁰. Мальчик становится третьим Олегом Святославичем в роду⁶¹, в дальнейшем в этой ветви появится еще один Олег Святославич, сын Святослава Всеволодича.

60 Святослав вообще придерживается следующей схемы имянаречения: старшего сына он, как уже говорилось, вполне закономерным образом называет в честь деда, собственного отца, а двум другим сыновьям он дает имена в честь своих умерших братьев Игоря и Всеволода, что тоже вполне закономерно. Любопытно, однако, что Игорь Георгий Святославич (Новгород-Северский) был, по-видимому, старше своего брата Всеволода. См., например, обращение к Игорю и Всеволоду их кузена Святослава Всеволодича: «и рече Святославъ братъи свои се азъ старее Ярослава а ты Игорю старее Всеволода а ныне я вамъ во отця место остался» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 618 под 1180 г.). Между тем, у дядей порядок старшинства был иной, и Игорь был моложе Всеволода Ольговича. Кроме того, Всеволод Ольгович был в течение довольно долгого времени удачливым киевским князем, тогда как наследовавший ему Игорь Ольгович, как мы помним, не удержал киевского княжения. Иными словами, если бы в расчет принимались исключительно соображения родовой иерархии, то первого ребенка, родившегося (в 1151 г.) после смерти обоих дядей (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 422), можно было бы назвать Всеволодом, однако Святослав дает ему имя Игорь. По-видимому, при имянаречении сыграли свою роль и мотивы иного порядка. Имя Игоря, погибшего мученической смертью непосредственного союзника Святослава Ольговича, становится своеобразным «знаменем» в династической борьбе черниговских князей. Что еще более существенно, Игорь, принявший постриг под именем Георгия, после своей смерти почитался местно и, безусловно, был чтим как мученик своими родичами. В 1150 г. Святослав Ольгович перенес из Киева мощи Игоря и положил их в Спасском соборе в Чернигове, «в тереме», заботясь со всей очевидностью о местном черниговском культе своего брата (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 408). С этой точки зрения имянаречение княжеского наследника, родившегося на следующий год после перенесения мощей, выглядит более чем закономерным. Показательно, что новорожденный Святославич получает не только мирское имя своего дяди — Игорь, в крещении ему дается монашеское имя родича — Георгий. Имя Игорь имеет для Святослава большее значение, чем Всеволод, которое было достоянием всего рода в целом. Не исключено, что имело место и какое-то недовольство Святослава самым старшим из своих братьев, впрочем, это недовольство не помешало ему назвать своего младшего сына его именем.

61 Первым Олегом Святославичем в роду Рюриковичей был старший брат Владимира Святого, князь Олег древлянский. Не исключено, что для Святослава Ярославича обращение к более древнему пласту истории рода было в некотором смысле средством устранения сиюминутных

Сочетание Олег Святославич становится настолько устойчивым, что ко второй трети XII в. каждый Святослав, потомок первого Олега Святославича, непременно называл одного из детей Олегом, если у него вообще были сыновья. Иными словами, эта комбинация имени и отчества превращается в своеобразный «логотип» рода. Ее появление в каждом конкретном случае, на наш взгляд, даже не требует особой мотивации. Упомянем только об одном таком акте имянаречения, а именно: о наречении сына Святослава Всеволодича.

Олег вступил в брак не позднее 1176 г.⁶². Вероятно, он был старшим из сыновей Святослава Всеволодича, или, по крайней мере, одним из старших. Во всяком случае, такой вывод можно сделать, сравнивая время женитьбы братьев (Олег, как уже говорилось, до 1176 г., Владимир и Всеволод в 1179 г.⁶³, Глеб и Мстислав в 1182 г.⁶⁴).

Если вспомнить о соперничестве Святослава Всеволодича и его родного дяди Святослава Ольговича, то нельзя не обратить внимание, что оба — сначала дядя, а потом племянник — называют своих старших сыновей Олегами. Оба наследника оказываются, соответственно, Олегами Святославичами. После смерти дяди, Святославу Всеволодичу, как мы помним, предстояло соперничать именно с этим своим младшим кузеном Олегом, который в этой борьбе именовал своего старшего сына Святославом, «вытесняя» тем самым живущего и здравствующего старшего родича.

Подчеркнем, эти два Олега Святославича (сын Святослава Ольговича и сын Святослава Всеволодича) приходились друг другу двоюродным дядей и племянником. Они не были настолько близкими родичами друг другу, чтобы ограничение на совпадение имен могло действовать буквально. При этом и случайным такое совпадение быть не могло.

Родными племянником и дядей приходились друг другу еще два черниговских Олега, младший из которых не был Святославичем. Олег Павел Игоревич был, как известно, племянником Олега Святославича, только что упоминавшегося сына Святослава Ольговича, внука Олега Святославича и правнука Святослава Ярославича. Как кажется, ситуации соперничества между Игорем Святославичем и его братом Олегом не было. Во всяком случае, в год рождения сына⁶⁵ Игорь

конкурентов, своих братьев и племянников. Иными словами, он действовал в свое время примерно так же, как Ростислав Владимирович, назвавший своего сына Рюриком (см. подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен. С. 84–85, прим. 10). Еще более существенно, что появление детей у Святослава примерно совпадает по времени с перезахоронением и «крещением» костей братьев Владимира Святого, Олега и Ярополка (об этом событии см.: Успенский Ф. Б. *Скандинавы — Варяги — Русь*. С. 141–168). Это действие Ярослава Мудрого, апеллирующее к родовой истории, явно отразилось в имянаречении его внуков: у Изяслава Ярославича появляется сын Ярополк, а у Святослава Ярославича — Олег.

62 Карамзин Н. М. *История*. Т. 2, прим. 39; N. Baumgarten, *Genealogies*. С. 19, табл. IV, № 33.

63 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 612.

64 *ПСРЛ*. Т. 2. С. 624–625.

65 «...родися Игорю сынъ и нарекоша имя ему Олегъ а въ крещеньи Павелъ» (*ПСРЛ*. Т. 2. С. 600 под 1175 г.).

действует заодно с братьями — Олегом и Всеволодом — против старшего кузена Святослава Всеволодича. Олег Павел Игоревич, по-видимому, был одним из младших детей своего отца, по крайней мере, он, безусловно, не был его самым старшим сыном. Наречение одного из младших сыновей в честь живого дяди скорее укладывалось в рамки традиции единения рода, а не разделения его.

Таким образом, у черниговских князей, на наш взгляд, представлены обе схемы совпадения имен живого дяди и племянника: «мирная» и «немирная». «Мирная» связана с наречением новорожденного в честь брата его отца и потенциального покровителя и союзника племянников. «Немирная» же связана, в свою очередь, с использованием родового имени вопреки существованию близкого живого родича-тезки, с желанием вытеснить старшего тезку из цепи преемственности родовых прав.

Обращаясь к истории династических имен в домонгольский период, необходимо помнить о том, при очевидном избытии князей-тезок существовал целый ряд ограничений на совпадение имен живых родичей. Чем более отдаленным и косвенным было родство, тем менее запретным было такое совпадение. Однако коль скоро речь идет о родстве относительно близком, каждый акт наречения именем живого родича, по-видимому, требовал определенной мотивации. Разумеется, далеко не всегда мы располагаем достаточными сведениями о наречении того или иного княжича, чтобы с полной уверенностью судить о том, было ли оно «мирным» или «немирным», тем более что сложная система междукняжеских отношений была подвержена довольно быстрым и частным изменениям. Союзнический замысел мог, не успев осуществиться, исчезнуть почти бесследно под натиском последующих событий.

Однако при всей изменчивости ситуации отношения между дядьями и племянниками всегда оставались одним из главных воплощений родовой политики, родовой стратегии, переходящей в стратегию государственную. Сами по себе эти взаимоотношения родственников также могли изменяться во времени. По сути дела, потребность в покровительстве и стремление к вытеснению были одинаково неизменными составляющими в отношениях между старшими и младшими членами рода, ставшего династией. И все же, в каждом конкретном случае при всех колебаниях между миром и войной во взаимодействии дяди и племянника или группы кузенов можно проследить одну из двух описанных выше тенденций.

При этом в домонгольскую эпоху ни один правитель на Руси, по-видимому, не мог — как бы он к этому не стремился — пренебречь полностью правами князей своего поколения, тем более правами тех, кто по родовому счету оказывался старше его самого. Он не мог не учитывать их роли в династической судьбе своих сыновей. Живя и действуя в рамках политической традиции, во многом построенной на терминах и понятиях родства, князь не мог отказаться от идеи покровительства старших родичей по отношению к его детям, если впоследствии хотел передать всю полноту власти своим прямым потомкам. При

выборе имен для своих детей братья-князья и пытались, в частности, заранее «задать» некоторые параметры взаимодействия принадлежащих к разным поколениям родичей.

Какими же «диагностическими признаками», позволяющими определить конкретную стратегию выбора имени, мы располагаем? Несомненно, важную роль играет здесь история самих взаимоотношений между родными и двоюродными братьями, между дядьями и племянниками. Однако, как уже говорилось, эти взаимоотношения были обусловлены мотивами не только родственными, но и политическими, стремительно меняющимися во времени. В определенном смысле результат династического замысла мог очень существенно отличаться от его первоначальной цели. О многом свидетельствуют описания «ряда» или какого-то договора между братьями, касающегося судьбы их детей. При этом имеются, по-видимому, и более однозначные, непосредственные приметы волеизъявления тех, кто выбирает имя для ребенка; такого рода регулярно повторяющиеся признаки придают определенную надежность реконструкциям ситуации имянаречения.

Как можно видеть на довольно многочисленных примерах имянаречения в роду Всеволода Ярославича (отца Владимира Мономаха) и в роду Святослава Ярославича, существенным в такой стратегии было то, называли ли именем дяди самого старшего или одного из младших сыновей. По-видимому, если старший из мальчиков, главный наследник отца, оказывался тезкой своего живого дяди, это означало, что дядю стремятся по возможности оттеснить на периферию рода. Если же в честь дяди назывался кто-либо из младших княжичей, это с большей вероятностью означало желание укрепить союзнические отношения между братьями, а позднее между племянниками и дядей, передать младших родичей «на руки» старшему.

Итак, во многом схематизируя и упрощая практику выбора имени, можно сказать, что имена умерших родичей принадлежали к числу безусловных ценностей рода. Имена прямых предков, если они были живы, оставались под запретом, тогда как употребление имен других живущих членов рода формировало подвижную, динамическую систему, непосредственно реагирующую на изменения династической политики.